ПОМНИ МЕНЯ УТРОМ

Ядовитый Оазис



18+

НИКА ЛУНАРА

Любовь за гранью реальности

Ника Лунара

Помни меня утром. Ядовитый Оазис

«Автор»
2026

Лунара Н.

Помни меня утром. Ядовитый Оазис / Н. Лунара — «Автор», 2026 — (Любовь за гранью реальности)

Ева попадает на закрытый остров в сопровождении красивого незнакомца, который обещает ей безопасную жизнь и новый шанс. Но очень скоро она понимает: выбраться отсюда невозможно.Здесь жизнь разделена на две части.Днём существует община — работа, правила, привычный порядок и люди, которые стараются делать вид, что всё нормально.Ночью Оазис становится другим. Границы дозволенного стираются, правила меняются, а вместе с ними исчезают привычные представления о морали, ревности и принадлежности.В Оазисе можно почти всё. Кроме одного: любить того, кого выбирает сердце.

© Лунара Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. 5
Глава 2. 8
Глава 3. 11
Глава 4. 14
Глава 5. 19
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Ника Лунара
Помни меня утром. Ядовитый Оазис

Глава 1.

Ева.

— Ева, ты купальник второй взяла? Чёрный, с вырезами? — Катька вынырнула из вороха одежды, держа в руках едва прикрывающий тело лоскут ткани.

— Взяла, Кать. И чёрный, и красный. И даже тот безумный с сеткой, про который ты сказала: «Только для закрытых вечеринок».

Я застегнула молнию чемодана и бессильно села сверху.

Мы выросли в одном детском доме. Спали на соседних койках, делили сладости и одежду, вместе переживали первые подработки и первые взрослые проблемы. К двадцати четырём годам каждая уже успела устроить свою жизнь. Я выучилась на агронома и нашла стабильную работу. Катя тоже получала нормальную зарплату. И теперь мы наконец могли позволить себе роскошь, о которой когда-то даже не мечтали. Это был наш второй совместный отпуск за всю жизнь. Настоящий, с морем и пальмами.

На заднем фоне настенный телевизор в нашей съёмной квартире захлёбывался от тревожных вестей:

«...в связи с обострением конфликта на границе... спешно эвакуируются... международные рынки продолжают падение... эксперты предупреждают о возможном конце мирной эпохи...»

— Господи, да выключи ты их! — Катька махнула рукой, натягивая короткие яркие шорты. — Нагоняют жути каждый божий день. Пророки, астрологи, политики... Совсем сошли с ума со своими войнами.

— А вдруг правда? — я прищурилась на экран.

— Даже если мир катится в тартарары, мы заслуженно отдохнём! — Катя подскочила ко мне, схватила за плечи и слегка встряхнула. — Слышишь? Напоследок оторвёмся так, чтобы не стыдно было умирать! Ну-ка, улыбнулась!

Я улыбнулась.

— Бери от жизни всё! Ведь мы не знаем, сколько нам осталось! — пропела подруга.

Я не удержалась и рассмеялась. Катька умела заражать своим диким, упрямым жизнелюбием. Если завтра наступит конец света, что ж, сегодня мы танцуем.

Спустя несколько часов самолёт коснулся посадочной полосы.

Мы добрались до места, о котором мечтали последние полгода. Здесь всё казалось непривычным: пряный, вязкий воздух, пропитанный солью и специями, черепичные крыши, каскадом спускающиеся к морю, яркие вывески и незнакомая речь вокруг.

Сбросив вещи в скромном недорогом отеле, мы даже не стали распаковывать чемоданы, а сразу выскочили на улицу. Нам хотелось увидеть всё сразу. Мы часами бродили по узким мощёным улочкам, где между домами сушилось бельё, из открытых окон пахло свежесваренным кофе, а редкие прохожие доброжелательно улыбались нам вслед.

Наконец тихие лабиринты вывели нас к самому сердцу города.

На площади нас подхватил шум карнавала: яркие гирлянды, растянутые между балконами, уличные музыканты, запахи жареных специй и сотни туристов. Мы ходили между лавок, смеялись, делали селфи на фоне древних фонтанов и бессовестно разглядывали мужчин.

Вдалеке уже несколько минут выла сирена, но никто не обращал на неё внимания. Музыка на площади была громче, а местные, похоже, давно перестали реагировать на подобные звуки.

— Смотри, вон тот, у стойки с соками. Какой профиль! — хихикала Катя, толкая меня локтем.

— Слишком сладкий. Как глазированный пряник, — отмахивалась я, потягивая через трубочку ледяной коктейль.

Мы вышли в центр площади, где вокруг импровизированной сцены пританцовывала толпа. Музыка басила так, что ритм отдавался прямо в груди. Я поддалась этому движению, прикрыла глаза на секунду, впитывая тёплое морское солнце и ощущение полной свободы.

— Ева... — тихо, но с явным азартом протянула Катя. — А ну-ка замри. Там с тебя один красавчик глаз не сводит. Вон, у каменной арки.

Я медленно обернулась.

Он стоял в тени каменной арки, свободно прислонившись спиной к стене. Высокий, со светлыми выгоревшими волосами, подтянутый и слишком уверенный в себе. На нём была полурасстёгнутая белая рубашка, а загорелое лицо выглядело так, будто он вообще не привык сомневаться в том, нравится ли кому-то.

Я не стала смущённо отводить взгляд. Зачем? Мы же приехали отрываться. Задержала на нём взор, чуть прищурилась и дерзко улыбнулась.

Парень заметил это мгновенно. Его губы расплылись в отточенной улыбке.

Я отвернулась.

— О-о-о, — прошептала Катька, прикрывая рот ладонью и откровенно хихикая. — Он только что посмотрел на твою грудь, показал руками круг, типа «вау, какой размер», и поднял большой палец!

Я фыркнула от такой наглости, повернулась к нему всем корпусом, слегка пританцовывая в такт музыке, и демонстративно показала язык.

Парень усмехнулся, чуть наклонил голову и подмигнул.

И всё. Обычный курортный флирт. Никакого предзнаменования. Никакой судьбы. Просто красивый парень и туристка, играющие в бесшабашный отпуск.

Я даже успела подумать, что этот отпуск может оказаться удачным.

В следующий миг площадь содрогнулась от резкого удара. Это был не обычный грохот. Оглушительный звук будто прошёл сквозь тело, а асфальт под ногами дрогнул.

Взрыв.

В воздух взвился столб огня и чёрной гари где-то в районе главных ворот. В лицо ударила взрывная волна, обжигая горячим воздухом и пылью. Музыка мгновенно оборвалась, сменившись короткой, звенящей тишиной. А потом площадь оглушили крики.

— Катя! — рявкнула я, хватая подругу за руку.

Толпа сорвалась с места. Люди слепо бежали, сбивая друг друга с ног, таща за собой детей, опрокидывая уличные лотки.

Кто-то врезался в меня плечом. Я едва устояла.

— Катя, не отпускай меня!

— Я здесь!

Её пальцы всё ещё были в моей руке.

Взрыв повторился — ближе, громче. Где-то совсем рядом с оглушительным звоном посыпалось стекло. Я пригнулась, закрывая голову руками. Над площадью снова взвился дым. А затем к крикам добавился сухой, трескучий звук. Выстрелы. Автоматные очереди. Толпа рванула в сторону узкого переулка.

— Ева-а-а! — отчаянно крикнула Катя.

Её руку вырвали из моей.

— Катя!

Я попыталась удержать её, но между нами уже вклинились чужие тела. Кто-то толкнул меня в спину. Я отлетела к витрине, больно ударившись локтем.

— Катя!

Я снова увидела её. На секунду. Красные шорты, тёмные волосы, знакомая яркая майка, всего в нескольких метрах от меня.

— Катька!

Я рванула вперёд. Чужая женщина вцепилась мне в плечо, пытаясь удержаться на ногах. Я оттолкнула её и протиснулась между двумя мужчинами. Катя исчезла.

— Нет...

Я завертела головой. Люди бежали во все стороны. Кто-то лежал прямо на мостовой. Другие пытались спрятаться за перевёрнутыми столами и торговыми тележками. Мужчина возле фонтана прижимал ладонь к голове, и между его пальцами текла кровь.

Я не понимала, откуда стреляют. Хотелось только найти Катю. Я снова бросилась вперёд. Под ногой хрустнуло стекло. Ремешок босоножки зацепился за какой-то металлический прут, и я едва не упала.

Ещё одна очередь заставила толпу пригнуться. Я спряталась за каменным фонтаном и прижалась к холодному камню. В ушах стоял сплошной гул, а крики вокруг не прекращались.

— Кать...

В нескольких метрах от меня кто-то плакал.

— Мама!

— Сюда! Сюда, быстрее!

— Бегите!

Голосов было слишком много. Они сливались в один сплошной гул. Я выглянула из-за фонтана. На противоположной стороне площади мелькнула знакомая фигура. Катя. Она тоже меня увидела. Наши взгляды встретились. Я уже собиралась бежать к ней, когда между нами возникла толпа.

— Катя!

Она что-то крикнула, но я не расслышала. Людей стало ещё больше. Я попыталась протиснуться вперёд, но меня снова отбросило назад. А потом кто-то схватил меня. Грубая рука впилась в плечо и выкрутила мне руку за спину. Я резко обернулась.

Передо мной стоял высокий мужчина в камуфляжных брюках. Нижнюю часть его лица закрывал шарф, а через плечо был перекинут автомат. Он гаркнул что-то на незнакомом языке и резко дёрнул меня к себе. Ствол автомата упёрся мне в бок.

— Отпусти! На помощь!

Я ударила его локтем, попыталась вырваться, но он даже не пошатнулся.

— Помогите!

Мужчина встряхнул меня и что-то зло выкрикнул. Вокруг продолжали стрелять. Люди бежали мимо. Кто-то кричал. Где-то снова взорвалось стекло. А я смотрела на чёрный металл автомата возле своего тела. Меня сейчас убьют.

Краем глаза я заметила движение в дыму. Из него выскочил тот самый парень. Тот наглый красавчик, который ещё несколько минут назад совершенно бесстыдно оценивал мою грудь.

Он налетел на боевика сбоку, плечом выбивая автомат из его рук. Оружие со звоном грохнулось на тротуар. Мужчина попытался развернуться, но парень ударил его ногой в колено. Тот пошатнулся. Следующий удар пришёлся в плечо.

Я даже не успела понять, что происходит, когда парень схватил меня за запястье и рванул на себя.

— Бежим!

Глава 2.

Ева.

Он не просто бежал, он вёл меня с уверенностью человека, который отлично знал эти улицы.

Парень тащил меня за собой, сворачивая в узкие переулки, подальше от площади. Здесь, всего в паре кварталов от места взрыва, ещё не успели понять, что произошло. Из открытых окон кафе выбегали испуганные официанты, прохожие замирали, оглядываясь на поднимающийся над крышами столб чёрного дыма, а где-то вдалеке продолжали выть сирены.

Но мой спаситель не останавливался и не давал мне глазеть по сторонам. Пальцы на моём запястье сжимались крепко, не давая мне отстать.

Наконец мы выскочили к небольшому двуэтажному дому с облупившейся жёлтой штукатуркой — самому обычному дому в тихом дворике. Парень с силой толкнул деревянную дверь, втягивая меня в сырой полутёмный подвал. Дверь за нами захлопнулась. Защёлка была сломана и болталась на одном креплении. Я бессильно оперлась о стену, пытаясь глотнуть воздуха.

— Эй... дверь! — задыхаясь, проговорила я и указала на вход. — Она не закрывается, защёлка сломана! Нас же найдут, это тупик... Это мышеловка!

— Тише, иди за мной, — без грубости, но собранно, почти шёпотом сказал он, даже не повернув головы.

Парень потащил меня дальше по подвалу, в тёмный закуток под старой деревянной лестницей. Он наклонился, откинул ногой какое-то пыльное тряпьё и подцепил пальцами почти незаметное кольцо в полу. Дверца в погреб была спрятана отлично: ровные доски полностью сливались с полом, и в полумраке под лестницей её было практически не разглядеть.

— Спускайся. Быстро, — скомандовал он.

Я не стала спорить. Меня всё ещё потряхивало после пережитого. Я осторожно нащупала ногой первую ступеньку. В темноте было невозможно понять, где следующая. Я ухватилась за край люка и начала спускаться, пока наконец не почувствовала под ногами холодный земляной пол. В погребе пахло сыростью и старым деревом. Парень последовал за мной. Сверху глухо хлопнула крышка, и я услышала скрежет тяжело входящего в паз металлического засова.

Вокруг была непроглядная тьма, в которой слышалось только наше рваное дыхание. Мы сползли по каменной стене на земляной пол. Я оказалась между его ног, прислонившись спиной к его груди. Он положил руки мне на талию, удерживая рядом. Его тело было горячим, а сердце отбивало бешеный ритм.

— Телефон, — прошептал он мне прямо в ухо. — Достань и выключи. Совсем. В дерьмовых фильмах они всегда трезвонят в самый хреновый момент.

Я дрожащими пальцами вытащила из кармана мобильник и зажала кнопку питания. Экран на секунду осветил нас бледным светом и погас.

— А как же Катя? — мой голос сорвался на хрип. Перед глазами всё ещё стояло лицо подруги, которую уносила паникующая толпа. — Нам надо вернуться на улицу. Она там одна.

— Забудь, — тихо отрезал он, и его рука сильнее сжалась на моём плече. — Сейчас каждый сам за себя. Там стреляют, начинается полный бардак.

— Я не могу её бросить.

— Если выйдешь сейчас, тебя тоже не станет.

Я сжала губы.

— Что там вообще происходит?! Кто эти люди?!

— Не знаю, — резко ответил он. — И знать не хочу. Наша задача — сидеть тихо.

И в этот момент прямо над нашими головами глухо раздался первый тяжёлый шаг. Я замерла. Неужели это те самые вооружённые люди? Неужели они нашли нас? Парень мгно-

венно накрыл мой рот своей широкой, горячей ладонью, не давая издать ни звука. Второй рукой он резко сжал мою талию, прижимая меня ещё ближе.

Скрипнула доска. Тяжёлый ботинок остановился прямо над нашей головой. На несколько секунд всё стихло. Я задержала дыхание. Кровь стучала в висках так громко, что мне казалось — её слышно наверху.

Наконец раздался чужой, грубый голос. Несколько гортанных, отрывистых слов на незнакомом языке. Вопрос и короткий, злой ответ. Снова шаг.

Вдруг прямо над нами что-то с грохотом упало и покатилось по полу. Кажется, пустой металлический бак. Кто-то задел его ботинком. Я вздрогнула так сильно, что едва не вырвался крик. А потом зажмурилась, почувствовав, как с потолочных досок на лицо посыпалась сухая пыль. Рука парня плотнее прижалась к моим губам, не позволяя вырваться даже испуганному выдоху.

Ещё шаг. Затем ещё один — уже дальше, в сторону выхода. И, наконец, глухой стук захлопнувшейся двери. После этого наступила тишина. Я не знала, ушли они или всё ещё стояли где-то наверху. Только спустя несколько мгновений позволила себе медленно выдохнуть. Кажется, они ушли.

Я ещё немного сидела неподвижно. Тело никак не хотело поверить, что опасность миновала. Ладонь парня всё ещё закрывала мне рот. Я чувствовала тепло его пальцев, его дыхание возле виска и гул собственного сердца.

Он медленно убрал руку. Я повернула голову. В темноте я едва различала его глаза. Несколько секунд мы просто пристально смотрели друг на друга. Я всё ещё слышала своё сердце. И его тоже. Он на мгновение опустил взгляд на мои губы, потом снова посмотрел мне в глаза. Я заметила это и вдруг перестала дышать. А потом он резко подался вперёд. Его губы были горячими. От него пахло пылью, морем и чем-то терпким, незнакомым.

Это было безумием. Мы знали друг друга всего несколько минут, даже толком не познакомились. Я должна была отстраниться, остановить его, хотя бы подумать о том, что происходит. Но тело словно не слышало ни одного из этих «нельзя». Оно само подавалось к нему, пока разум кричал: неправильно. Так почему же я так отчаянно отвечала на поцелуй незнакомца, будто ничего другого вокруг не существовало?

Я вцепилась пальцами в его плечи. Он на секунду замер, будто не ожидал, что я отвечу, а затем лишь сильнее прижал меня к себе. Его поцелуй стал резче, жаднее, без всякой осторожности. Я ответила так же.

Никаких мыслей: ни имени, ни вопросов, ни того, что будет через минуту. Только сбившееся дыхание, горячие губы и руки, которые сами находили друг друга в темноте.

Его руки скользнули мне под бёдра, и в следующий миг я почувствовала спиной холод шершавого камня. Моё платье взметнулось вверх. Холод обжёг кожу, но я почти сразу перестала его чувствовать.

Парень целовал меня жадно, торопливо, будто времени оставалось всего несколько секунд. Я отвечала так же, продолжая цепляться за его плечи.

Всё происходило слишком быстро, чтобы я успевала осмыслить отдельные движения. Я словно воспринимала происходящее обрывками: холод камня за спиной, жар его тела, сбившееся дыхание: всё смешалось в один стремительный поток ощущений. Он чуть приподнял и жёстко зафиксировал мои бёдра, прижимая к камню, чтобы я не соскользнула, и вошёл резко, одним мощным, нетерпеливым толчком, от которого в глазах вспыхнули искры, а из лёгких выбило весь воздух.

Рваный, жёсткий темп. Накат страсти и адреналина накрыл меня так сильно, что из груди готов был вырваться крик.Но парень сработал на опережение: его горячая ладонь мгновенно накрыла мой рот, глуша стон и оставляя лишь вибрирующий выдох внутри, пока он снова впивался в мои губы поцелуем.

Ещё один жёсткий, глубокий толчок. Ещё, ещё... и взрывной, разрушительный пик накрыл нас прямо там, у стены — финальная вспышка короткого замыкания. Чистый, безумный сброс дикого напряжения.

Он ещё несколько секунд не разжимал рук, удерживая меня на весу. Потом медленно опустил на пол. Мы стояли в полной темноте, соприкасаясь лбами. Я слышала его тяжёлое дыхание и своё собственное, всё ещё сбившееся. Он провёл пальцами по моей щеке, убирая влажную прядь волос.

— Чёрт... — тихо выдохнул он. — Как тебя хоть зовут?

Глава 3.

Ева.

В темноте погреба тишина между нами казалась плотной, почти осязаемой. Мы стояли, уткнувшись друг в друга лбами, и я слышала, как затихает его рваное дыхание.

— Ева, — тихо выдохнула я в полумрак. — Меня зовут Ева.

— Ян, — отозвался он. Голос звучал хрипло, но уже полностью собранно, без следа недавнего адреналинового безумия.

Его пальцы на секунду задержались на моей талии, поправляя задравшуюся одежду, а затем он отступил на шаг. Наше сумасшедшее слияние закончилось так же резко, как и началось. Мы снова стали двумя чужими людьми, просто оказавшимися в одном укрытии.

— Всё, — прошептал Ян, нащупывая в темноте лестницу. — Вроде тихо. Давай выбираться.

Скрежет металлического засова прорезал тишину. Крышка люка подалась вверх, и в погреб ворвался слабый сумеречный свет. Мы выбрались в пустой подвал, а оттуда выскочили во двор.

Город, который ещё несколько часов назад смеялся и пританцовывал под палящим солнцем, теперь выглядел как брошенная декорация к кошмару. Улицы вымерли. На тротуарах валялись брошенные сумки, перевёрнутые столики уличных кафе, битое стекло и одинокая обувь, потерянная в панике. Сирены вдали продолжали завывать, но самих выстрелов больше не было слышно.

— Нам нужно вернуться на площадь! — я схватила Яна за рукав, едва мы сделали несколько шагов. — Ян, пожалуйста! Нужно найти Катю! Вдруг она прячется где-то там? Вдруг ранена?!

— Сначала нужно понять, что вообще происходит, — отрезал Ян, озираясь по сторонам. — На площадь сейчас соваться безумие. Там наверняка полиция, военные или те, кто стрелял.

Он увлёк меня в узкий переулок. Через пару кварталов мы наткнулись на неприметную маленькую кофейню. Дверь была полуоткрыта, внутри никого: хозяева и посетители сбежали, бросив недопитый кофе на столах, но в углу под потолком всё ещё работал небольшой телевизор.

Мы прошмыгнули внутрь. Ян сразу оценил обстановку и встал так, чтобы видеть и экран, и улицу.

На экране мигал красный транспарант: «ОБЩЕМИРОВОЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ».

Диктор вещал не привычным профессиональным тоном, а с трудом сдерживал дрожь в голосе. Кадры сменяли друг друга с бешеной скоростью: пылающие улицы европейских столиц, перекрытые бронетехникой шоссе, штурм правительственных зданий где-то в Азии.

«...синхронные атаки на крупнейшие транспортные и финансовые узлы... международное авиасообщение полностью приостановлено, аэропорты по всему миру заблокированы... мировая финансовая система парализована, транзакции заморожены... правительственные структуры нескольких стран прекратили существование... зафиксированы массовые захваты прибрежных зон...»

На несколько секунд вместо диктора показали карту мира. Красные отметки вспыхивали одна за другой, соединяясь тонкими линиями. Я не успела понять, что именно они обозначают. Карту тут же сменили кадры с улиц.

Я слушала этот поток новостей и чувствовала, как внутри всё леденеет. Это был не просто локальный теракт на курорте. Казалось, рушилось сразу всё. Причём происходило это слишком быстро и слишком слаженно, чтобы происходящее напоминало обычный хаос.

Я вытащила из кармана мобильник и включила его. Сети не было. Значок сигнала бессильно мигал перечёркнутым крестиком.

— Связи нет, — прошептала я, чувствуя, как паника снова подступает к горлу. — Вообще нет.

Ян ничего не ответил. Он повернулся и подошёл к стойке кафе, где стоял старый проводной телефон. Ян снял трубку, набрал длинный номер и застыл, прижав динамик к уху. Я успела заметить, что номер он набрал слишком быстро, словно знал его наизусть. Я смотрела на его профиль. С каждой секундой его лицо становилось всё более хмурым, каменно-непроницаемым. На лбу пролегла глубокая складка.

Он пару раз что-то сказал, а потом просто бросил трубку обратно на рычаг и вернулся ко мне.

— Всё совсем плохо, да? — тихо спросила я.

— Связи с внешним миром нет. Город заблокирован с моря и с суши. Аэропорт закрыт, вылеты отменены на неопределённый срок, — жёстко произнёс Ян. — Границы перекрыли.

— Но мне нужно в отель! — я вскочила с пластикового стула, едва не опрокинув его. — Ян, мы снимали номер! Вдруг Катя смогла вырваться с площади и сбежала туда?! Она ждёт меня! Нам нужно проверить отель!

Ян окинул меня долгим, непонятным взглядом. В его глазах не было злости, но была какая-то странная, напряжённая задумчивость. Он словно сам пытался понять, почему до сих пор не бросил меня и продолжает тянуть за собой.

— Слушай меня внимательно, Ева. Твой отель — это первое место, куда придут. Иностранцев сейчас будут проверять в первую очередь. Если ты пойдёшь туда, тебя схватят. В лучшем случае задержат для проверки. А что будет потом — никто не знает. Подруги твоей там нет. Если она умная, то попытается сбежать из города. Если нет... ты ей уже ничем не поможешь.

— Я не могу просто так её бросить! — из глаз брызнули слёзы, которые я так долго сдерживала. — Мы с детдома вместе! Мы...

— Я знаю место, где ты можешь переждать всё это, — перебил он меня. Голос звучал ровно, но в нём проскользнула едва уловимая личная интонация. — Место закрытое. Есть вода, еда, всё необходимое. И я могу забрать тебя с собой.

Я вытерла слёзы тыльной стороной ладони.

— Почему? Зачем тебе тащить меня с собой?

Ян на секунду замолчал, будто сам искал логичный ответ, но потом лишь едва заметно качнул головой.

— Сам не знаю. Мне кажется, это правильно, — сказал он, отпуская мои плечи и направляясь к выходу. — Но умолять я тебя не стану. Если жить хочешь, иди за мной. Прямо сейчас. Не хочешь, веришь в чудо и хочешь искать подругу, оставайся. Я ухожу один.

Он не блефовал. В его взгляде не было сомнений: он действительно собирался уйти.

Я оглянулась на мигающий экран телевизора, где диктор уже беззвучно открывал рот на фоне пылающих мегаполисов. Посмотрела на пустую, вымершую улицу за окном.

Выбора не было. Старый мир рушился, а единственный человек рядом уже говорил мне, как выжить в новом.

— Я иду с тобой, — тихо сказала я.

Мы вышли из кафе, и именно этот путь к порту окончательно добил во мне все иллюзии.

Мы двигались короткими перебежками, и с каждым шагом я своими глазами видела, как привычная жизнь распадается на части. Посреди проезжей части стоял накренившийся рейсовый автобус с выбитыми стёклами и распахнутыми дверями. Внутри валялись брошенные чемоданы и детские игрушки, но людей не было. Чуть дальше, у запертого решётчатого забора

железнодорожного вокзала, толпа людей в панике давила на ограду, пытаясь докричаться до стоящих внутри вооружённых охранников.

На одном из перекрёстков стоял разбитый полицейский пикап с оторванной дверью. А прямо на обочине, привалившись к фонарному столбу, мужчина в измятом деловом костюме с безумным выражением лица снова и снова орал в трубку телефона, не понимая, что связи уже нет.

Вдалеке, на главном проспекте, уже виднелись тёмные силуэты бронированной техники и военного кордона. В воздух периодически взлетали сигнальные ракеты, и гулкие одиночные выстрелы отзывались эхом между домами.

Мир не просто рушился. Он закрывался от нас со всех сторон. Назад дороги уже действительно не было. Никаких отелей, никаких самолётов домой, никакой привычной жизни.

Когда я попыталась на ходу шёпотом спросить, куда именно мы держим путь, Ян даже не повернул головы, лишь резко поднял руку и приложил палец к губам.

Молчи.

Вскоре в воздухе отчётливо запахло солью, мазутом и гниющими водорослями. Улицы вывели нас к портово-складской зоне. Это была странная, закрытая территория: высокое сетчатое ограждение, глухие металлические ангары и никакой уличной подсветки. Ян уверенно провёл меня через брешь в заборе, и мы выскочили к дальнему, закрытому от посторонних глаз пирсу.

У деревянного помоста на воде тихо покачивался мощный скоростной катер тёмного, почти графитового цвета. Никаких опознавательных флагов или названий. Лишь на борту, возле рубки, выделялся незнакомый знак: вытянутый овал, внутри которого застыла четырёхконечная звезда с пустым кругом в центре. Я не узнала его, но почему-то задержала на нём взгляд. Слишком уж знакомыми казались эти строгие линии. Где я могла видеть их раньше? В нём было что-то слишком правильное и холодное, словно этот знак принадлежал не человеку, а системе.

На корме нас уже ждал мужчина — крепкий, суровый, лет сорока пяти, в тёмно-синей куртке без всяких знаков различия. Увидев нас, он нервно бросил взгляд на светящийся циферблат часов.

— Быстрее, Ян! — жёстко, глухим голосом бросил он, даже не глянув на меня. — Поступила команда успеть вернуться до...

Рёв двигателя заглушил конец его фразы, разорвав тишину низким вибрирующим гулом.

Ян буквально за локоть втолкнул меня на палубу и сразу увлёк вниз, в небольшую, но невероятно стильную каюту. Внутри всё выглядело дорого, футуристично и функционально, совсем не похоже на обычные прогулочные суда для туристов.

— Сиди здесь и не выходи, — тихо, но безапелляционно сказал Ян, усаживая меня на мягкий кожаный диван.

Катер вздрогнул, приподняв нос, и, разрезая ночную гладь моря, с огромной скоростью понёсся прочь от пылающего на горизонте берега. Мир остался где-то там, за тёмной водой, а впереди меня ждала неизвестность.

Глава 4.

Ева.

Мягкая, монотонная вибрация палубы действовала усыпляюще, но не успокаивала. Катер шёл плавно, уверенно разрезая ночную воду. В каюте пахло дорогой кожей, сухим кондиционированным воздухом и едва уловимым запахом морской соли.

Я сидела на мягком диване, поджав ноги, и пыталась хоть как-то осмыслить произошедшее. Шок от взрыва, бешеный бег по узким улицам, тёмный подвал, судорожная, дикая вспышка на земляном полу... Всё это казалось сюрреалистичным сном. Но глухой гул мотора был более чем реален.

Дверь каюты бесшумно скользнула в сторону. Вошёл Ян. В полумраке его фигура казалась ещё более собранной и подтянутой. Он прислонился плечом к косяку, разглядывая меня.

Я сделала глубокий вдох, пытаясь вернуть голосу твёрдость:

— Куда мы плывём?

— На остров, — спокойно ответил он.

— Что за остров? Ян, хватит загадок. Чей он? Там есть люди?

— Закрытая территория, — Ян слегка пожал плечами. — Да, люди там есть. Молодые. Примерно нашего возраста.

— И что вы там делаете? Живёте? Отдыхаете?

— Участвуем в проекте.

— В каком ещё проекте? — Я подалась вперёд.

Ян уловил мою реакцию и тихо, едва заметно усмехнулся:

— Успокойся. Голову тебе никто не будет отрывать и пришивать обратно, чтобы посмотреть, что получится. Обычный социальный эксперимент.

Я выдохнула, откидываясь назад. Шутка была сомнительной, но его ровный тон немного сбил градус паники.

— Остров полностью автономен, — продолжал Ян, скрестив руки на груди. — Есть жильё, нормальная еда, вода, электричество, медицина. Многие живут там уже довольно долго.

— А ты? — я уставилась на него. — Ты давно там?

— Почти год.

— Почти год? — я нахмурилась. — И всё это время ты не мог уехать? Домой, в отпуск?

Ян посмотрел на меня. В его тёмно-серых глазах на мгновение проскользнуло что-то тяжёлое, закрытое, будто он наткнулся на невидимую стену.

— Не мог, — отрезал он без каких-либо объяснений.

Он явно что-то недоговаривал, но допрашивать его дальше я не успела. Из динамика на потолке раздался сухой голос капитана:

— Ян! Нам нужно её оформить пока не подошли к острову.

Ян кивнул сам себе и перевёл взгляд на меня:

— Иди. Это ненадолго.

— Что значит «оформить»? — насторожилась я.

— Обычные формальности. Пройдёшь первичный контроль и всё.

Его голос был спокойным, поэтому я покорно поднялась и вышла за ним из каюты.

Мы поднялись в небольшую техническую рубку. На столе перед мужчиной горел тусклый экран планшета и лежал небольшой прибор, похожий на утолщённый глюкометр.

— Руку, — сухо сказал капитан, даже не глядя на меня.

— Это зачем? — спросила я, сжимая пальцы в кулак.

— Экспресс-скрининг. Проверка на вирусы и опасные патологии для первичного допуска. Положи палец сюда.

Я замялась, но Ян слегка подтолкнул меня ладонью в поясницу. Всё произошло настолько быстро, что я не успела толком испугаться: лёгкий щелчок, едва ощутимый укол в подушечку указательного пальца, несколько капель крови, втянутые в картридж. Прибор тихо пискнул, отправив данные в базу.

Мужчина бегло оглядел зелёные строки на экране и достал из бокового отсека тонкий планшет с выведенным документом.

— Подпиши. Временный допуск на территорию, согласие на въезд и первичный осмотр.

Я взяла в руки электронное перо. Голова кружилась, перед глазами всё плыло. Усталость, стресс и качка давали о себе знать. Мелкие строчки текста расплывались в сплошную серую полосу.

— Что здесь конкретно? — пробормотала я, пытаясь вчитаться хоть во что-то. — Тут слишком много пунктов...

— Временный допуск. Согласие на пребывание. Правила процедуры, — спокойно повторил капитан.

Я повернула голову и посмотрела на Яна. Он стоял совсем рядом, спокойно глядя на меня.

— Подписывай, если хочешь попасть внутрь, — тихо, но твёрдо сказал Ян.

Я затаила дыхание. В состоянии полного шока, измотанности и глупого доверия к человеку, который только что спас мне жизнь, я поставила размашистую подпись на электронном стекле.

И в этот же момент меня накрыло. Палуба ушла из-под ног. К горлу подступила тошнотворная волна, в ушах зазвенело. Я бессильно оперлась о край стола.

— Мне что-то... нехорошо...

Ян среагировал мгновенно. Без лишней суеты он подхватил меня под локоть, возвращая обратно в каюту.

— Тебя просто укачало. После такого стресса организм отпускает не сразу, — проговаривал он, усаживая меня на диван.

Из тумбочки он достал маленький блистер, вылущил одну круглую белую таблетку и протянул мне вместе с открытой бутылкой воды:

— Пей. Это обычное средство от укачивания и тошноты. Через десять минут отпустит.

Я проглотила таблетку, запила несколькими глотками прохладной воды и бессильно откинулась на подушку. Препарат подействовал удивительно быстро: накатила глубокая, тяжёлая дремота.

— Ты точно здесь? — прошептала я, уже засыпая и теряя связь с реальностью. — Не уйдёшь?

— Здесь, — слышался его глухой голос.

Я почувствовала, как диван слегка прогнулся: Ян лёг рядом, прямо поверх покрывала. А затем его широкая, тёплая ладонь опустилась мне на голову. Он медленно, ритмично проводил пальцами по моим волосам, успокаивая меня.

Я закрыла глаза и провалилась в сон.

***

Ян.

Я слушал её ровное, глубокое дыхание.

Таблетка сделала свое дело. Ева уснула крепко. Я осторожно убрал руку с её волос, поднялся с дивана и тихо выскочил из каюты, задвинув за собой дверь.

Нужно было закончить дело. Главную часть заказа я успел привезти из города и сгрузить на борт ещё вчера. А вот за последней партией сходить так и не успел. Взрывы в городе перечёркнули все графики, и возвращаться на катер пришлось с пустыми руками. Зато с Евой.

Я спустился в нижний отсек, проверил крепления груза и вышел на палубу. Ночной воздух обжигал свежестью. Морской ветер трепал волосы, выветривая душный запах каюты.

В голове была каша.

«Я не должен был её брать». Эта мысль билась в затылке с того самого момента, как мы ступили на борт. Задание было простым: выйти в город, забрать груз и вернуться. Без лишних глаз.

И на той гребаной площади я увидел её.

Я мог пройти мимо. Должен был пройти мимо. Вокруг метались сотни людей, спасая свои шкуры, но я зацепился взглядом именно за неё. За ту самую девчонку в белом платье, которая дерзко показала мне язык в ответ на мою наглость.

Вот же чёрт.

До закрытия периметра оставалось совсем немного времени. Я знал главное правило проекта: в установленный момент транспортные коридоры блокируются, и попасть на остров уже не получится.

Я вёз Еву на остров на свой страх и риск. Она не проходила отбор, она даже не понимала, куда и зачем плывёт. А после закрытия периметра уже не сможет просто взять и уехать.

Я сжал кулаки, вглядываясь в тёмную воду, и посмотрел на светящийся циферблат часов.

— Подходим к островной гавани, Ян, — откликнулся из рубки капитан. — До закрытия периметра успеваем.

Я лишь кивнул, глухо процедив про себя ругательство.

Что я теперь с ней буду делать? Она ничего не знает. Не готова к Оазису. Находится в шоке и сдуру поставила подпись на планшете, даже не понимая, куда шагнула.

Я снова вернулся в каюту.

Ева спала, чуть наморщив нос во сне. В полумраке она казалась совсем хрупкой и уязвимой.

Она должна была остаться в городе. Я должен был вернуться один. Это было бы правильно и безопасно. Но сейчас, глядя на неё, я понимал только одно: оставить её там, на площади, я уже не мог.

Я принял это решение сам. И теперь назад дороги нет.

***

Ева.

Когда я открыла глаза, в каюте стояла полутьма. Гул мотора изменился, теперь он работал тихо, на малых оборотах, лишь слегка вибрируя под ногами.

Я резко села. Яна рядом не было. Паника мгновенно ударила в грудь. Я выскочила из каюты на свежий воздух. На палубе стоял только капитан, подтягивая какой-то канат.

— Где Ян? — задыхаясь, спросила я.

Мужчина мельком глянул на меня:

— Сейчас придёт. Не суетись.

Я огляделась по сторонам, мы больше не были в открытом море.

Катер вошёл в защищённую гавань. Два длинных волнореза уходили в темноту по обе стороны от входа, оставляя между собой достаточно широкий проход. За ними вода становилась почти неподвижной.

Внутри располагался отдельный защищённый бассейн для катеров, скрытый от открытого моря. У пирса стояли несколько таких же тёмных судов.

— Это... это и есть остров? — спросила я у капитана.

— До причала ещё пара минут, — сухо ответил он. — Нам в технический сектор.

Из нижнего отсека поднялся Ян.

— Проснулась? — он подошёл ближе, оценивающе глядя на меня. — Как голова?

— Нормально. Где мы?

— Уже почти приехали.

Катер вошёл в небольшой закрывающийся шлюз технического причала. После темноты моря яркий белый свет резанул по глазам. По обе стороны поднимались бетонные стены, а впереди виднелись технические ворота.

Ян первым сошёл на причал. И в этот момент над нами раздался короткий цифровой сигнал. Это была не сирена, не тревожный вой. Три сухих, одинаковых звука. Пауза. Ещё три. По стенам дока прокатился едва слышный щелчок — где-то сработала автоматика.

Ян замер. Я посмотрела на него:

— Что это?

По краям входного бассейна медленно пришли в движение две массивные створки. Из темноты они казались продолжением волнорезов, но теперь становилось понятно: створки сходились навстречу друг другу, перекрывая вход в гавань.

Над входом в док загорелся небольшой красный индикатор. Следом из скрытого динамика раздался безэмоциональный женский голос:

— Протокол один. Периметр закрыт. Все транспортные коридоры переведены в режим блокировки. Ожидать дальнейших распоряжений.

— Что происходит? — вновь спросила я.

Ян посмотрел вверх**.**

— Периметр закрыли, — спокойно сказал он. — Пойдём.

Голос его изменился, совсем немного. Но я всё равно заметила.

К причалу подошёл молодой мужчина лет тридцати в тёмных брюках и строгом свитшоте. В руках он держал тонкий планшет. Лицо у него было спокойным и открытым, почти располагающим.

— Ева? — мягко спросил он, глядя прямо на меня.

— Да... — я сделала шаг назад, инстинктивно ища поддержку.

— Слава Левин. Я отвечаю за медицинскую часть проекта. Пойдёмте со мной, нужно пройти краткий осмотр.

— Вы врач? — вырвалось у меня.

— В том числе, — с едва заметной улыбкой ответил он. — Не волнуйтесь, это стандартная процедура.

Я испуганно обернулась на Яна.

— Иди, — спокойно сказал Ян, делая шаг вперёд и становясь рядом со мной. — Я рядом.

Он действительно пошёл со мной плечом к плечу, и это немного укротило нарастающий страх.

Мы прошли по гладкому бетонному коридору и вошли в небольшую, идеально чистую лабораторию. Несколько мониторов, эргономичное кресло, аккуратные диагностические приборы. Никакого страха или давящей атмосферы, всё выглядело буднично и технологично.

— Присядь, пожалуйста, — попросил Слава, указывая на кресло.

Я села, сжимая подлокотники. Слава подсоединил к моему запястью лёгкий беспроводной датчик и приложил сканер к моему пальцу, подтягивая в систему экспресс-данные крови, взятые ещё на катере. На стенном экране побежали графики, диаграммы и цифровые показатели.

— А что... что вы вообще проверяете? — нервно спросила я, следя за бликами на мониторе.

— Здоровье, — спокойно ответил Слава, не отрываясь от планшета. — Состояние нервной системы, репродуктивный статус, отсутствие инфекций.

— Только?

Слава поднял на меня спокойный взгляд:

— Для начала — да.

Я снова посмотрела на Яна. Он стоял у стены, скрестив руки на груди, не сводя с меня глаз. Его присутствие действовало на меня успокаивающе.

Слава вернулся к экрану. Вдруг его пальцы замерли над сенсорной панелью. Он вглядывался в высветившуюся на мониторе сводную таблицу. Прошла секунда, другая. Слава слегка нахмурился, перелистнул страницу данных, затем снова поднял глаза и внимательно, уже совсем иначе, посмотрел на меня. А затем абсолютно буднично, тихим голосом произнёс в тишину кабинета:

— Макс.

Я моргнула, абсолютно не понимая:

— Что? Какой Макс?

Слава уже опустил взгляд обратно в планшет, гася экран:

— Ничего. Базовый профиль сформирован.

Я повернула голову к Яну. Ян ничего не сказал. Он лишь медленно выпрямился у стены. Его челюсти сжались, на скулах заходили желваки, а лицо стало совершенно неподвижным.

Слава тоже замолчал. Между ними повисла какая-то странная, тяжёлая тишина, смысла которой я абсолютно не понимала.

Но именно в эту секунду мне впервые стало по-настоящему страшно.

Глава 5.

Ева.

Тишина, зависшая в помещении после произнесённого Славой имени, казалась тяжёлой, сухой и почти осязаемой.

Я переводила взгляд со Славы на Яна, ожидая хотя бы какого-то объяснения, но его не последовало. Для Левина имя «Макс» явно не было секретом или поводом для драмы. Это была просто рабочая метка, очередной показатель, который он спокойно зафиксировал в базе.

Слава провёл пальцем по планшету, завершая ввод, и поднял на меня ровный взгляд:

— Всё, первичная диагностика закончена. Физические показатели в норме, всё в пределах допустимого.

Я посмотрела на Яна. Он продолжал стоять у стены. Челюсти сжаты, взгляд устремлён куда-то сквозь Славу. В этом молчании читалось жёсткое, глухое раздражение. А я пока ничего из этого не понимала.

— Идём, — Левин поднялся с места, убирая планшет в карман халата. — Нужно завершить оформление участника.

— Какого ещё участника? — тихим, хриплым от усталости голосом спросила я.

— Давай, Ева, — тихо перебил Ян. Его голос звучал глухо и отстранённо. — Иди за ним.

Он не стал двигаться с места, оставаясь у стены.

Слава перешёл в смежную комнату при медблоке, служебный отсек с голыми бетонными стенами и широким металлическим столом. На нём стояли защищённый терминал и планшет.

— Присаживайся. Нужно закончить регистрацию.

Я опустилась на стул, сжимая пальцы в кулаки.

— Основное соглашение участника, — Слава открыл нужный раздел. — Нужно подписать. А я пока объясню тебе условия. Всё понятно? — спросил он, глядя на меня ровным, сухим взглядом врача, принимающего очередную смену.

— Нет, — честно ответила я, почувствовав, как внутри закипает отчаянная злость. — Ничего не понятно.

— Тогда начнём с самого начала, — спокойно кивнул Левин. Он опёрся о край стола и заговорил вежливо, предельно чётко: — «Оазис» — это закрытая автономная территория. Здесь проводится социальный эксперимент. Его цель — исследование поведения и взаимодействия группы людей в полностью изолированной среде, при ограниченных ресурсах и в отсутствие привычных социальных институтов.

Слова падали одно за другим, образуя в моей голове холодную, жуткую цепочку. Они не спасали людей из зоны бедствия, не были благотворительной организацией. Людей сюда отбирали и привозили по определённым критериям, а дальше оставляли жить в созданных для них условиях.

Но зачем? Я пока не понимала.

— Сколько вас здесь? — голос мой дрогнул.

— На данный момент в проекте двадцать девять участников, — ответил Слава. — Это молодые люди, прошедшие отбор.

— Двадцать девять? — я сглотнула. — И все они пришли сюда сами? Добровольно?

— Абсолютно. Каждый из них подписал соглашение.

— А я? — тихо вырвалось у меня. — Я ведь не просила... Я ничего не подписывала!

Слава коснулся экрана планшета:

— Вы подписали предварительное согласие на въезд и временное пребывание во время транспортировки. На катере.

Перед глазами мгновенно всплыла каюта, кружащаяся голова, расплывающиеся строчки и Ян, стоящий рядом и тихо шепчущий: «Подписывай, если хочешь попасть внутрь».

Я доверилась ему. Я едва держалась на ногах и поставила подпись.

— Я не читала... — проговорила я. — Вы же понимаете, в каком я была состоянии?! Я спасалась! Там всё взрывалось!

— Мы понимаем, — совершенно безэмоционально произнёс Левин. — Именно поэтому та подпись являлась лишь временным допуском.

Слава развернул ко мне планшет с юридическим текстом. В верхнем углу экрана и на самом тонком металлическом корпусе устройства блестел оттиск, тот самый вытянутый овал со звездой в центре, который я уже видела на борту катера.

— Документ на катере давал нам право временно принять тебя на борт, провести через периметр и провести медицинский осмотр. Это временный допуск. А вот это — твой основной договор участника.

Я посмотрела на экран. Под светящейся эмблемой-овалом тянулись чёрные, ровные, мелкие строки:

«Соглашение об участии в социальном проекте "Оазис"...»

— Каков срок? — перебила я, подняв на него глаза. — На сколько этот ваш эксперимент?

Слава указал пальцем на шестой пункт документа.

— У эксперимента есть установленная дата окончания. Четырнадцатое августа 2028 года.

— Два года? — тихо переспросила я. — Два года?! А если кто-то приехал позже?

— Его срок просто короче.

— А Ян?

— Ян прибыл почти год назад. Он пробудет здесь до той же даты.

— То есть почти три года?

— Да.

— А что потом? Когда дата наступит?

— После завершения программы участник беспрепятственно покидает территорию. Ему возвращаются все личные вещи и выплачивается вознаграждение.

Никакого насилия. Никаких пыток. Всё официально, строго, логично и безупречно. В нижней строке таблицы на экране горела цифра: 2 000 000.

— Половина миллиона перечисляется на твой счёт сразу после подписания, — произнёс Слава. — Остальные полтора миллиона выплачиваются по завершении срока и выходу с территории проекта. Или твоим доверенным лицам.

Два миллиона за два года жизни в изоляции. Я быстро перевела всё в привычные категории: чуть больше восьмидесяти тысяч в месяц. Работая обычным агрономом, я о такой стабильной цифре могла только мечтать, там мой потолок едва дотягивал до пятидесяти. Пятьсот тысяч прямо сейчас, чтобы закрыть прошлую жизнь и дыры в бюджете и полтора миллиона на выходе. Не астрономический куш, но вполне реальная цена за два года, вычеркнутых из реальности.

— Правила просты, — продолжал Левин. — Проживание с соблюдением внутреннего порядка. Регулярные медицинские обследования. Участие в предусмотренных программой мероприятиях и процедурах. Внешняя связь строго ограничена, изоляция является ключевым условием исследования.

— То есть это всё-таки тюрьма, — сделала вывод я.

— Нет. Это контролируемая среда.

Я положила стилус на стол.

— А если я не хочу?

Слава даже не моргнул:

— Ты имеешь право отказаться от подписания основного соглашения.

— И тогда я уеду? Вы меня выпустите? — В груди вспыхнула надежда.

— Не сейчас.

— Почему?

— Периметр закрыт по Протоколу один.

Я нахмурилась:

— Что это значит?

— Чрезвычайный режим. Он вводится при угрозе внешней безопасности или нарушении транспортного сообщения. После активации все выходы с территории блокируются автоматически.

— И когда меня выпустят?

— В установленную дату открытия транспортного коридора.

Я смотрела на него, не сразу понимая смысл услышанного.

— То есть дата уже есть?

— Да.

— Какая?

— Четырнадцатое августа 2028 года.

Внутри всё похолодело.

— То есть... если я не подпишу, всё равно останусь здесь до этой даты?

— Да.

Я несколько секунд смотрела на него.

— Тогда какая разница, подпишу я или нет?

— Существенная.

Слава забрал планшет со стола и спокойно перечислил:

— Подписав соглашение, ты становишься участницей проекта. Получаешь жильё в жилом секторе, доступ к внутренней инфраструктуре, ресурсам и предусмотренным программой мероприятиям. После завершения цикла тебе выплачивается вознаграждение.

— А если не подпишу?

— Отказываясь от статуса участника, ты не получаешь ни копейки. Ни сейчас, ни через два года. Кроме того, без договора ты переходишь в категорию временно изолированных лиц. А это значит: технический сектор, закрытый блок, базовый паёк и ограничение перемещений. Ты просто будешь ждать окончания срока на закрытой территории без прав и ресурсов.

— И всё?

— И всё.

Я снова посмотрела на планшет. Выбора не было. Точнее, формально он существовал. Я могла отказаться. Могла не поставить подпись и провести почти два года в техническом блоке, не имея права на нормальную жизнь внутри острова. Но уехать я всё равно не могла.

— То есть без подписи я даже эти пятьсот тысяч не увижу? — уточнила я, цепляясь за последнюю деталь.

— Никаких выплат, — сухо отрезал Левин. — Деньги перечисляются только действующим участникам программы.

Я коротко усмехнулась. Получалось, мне предлагали не свободу. Мне предлагали условия. Всё упиралось в одну дату: четырнадцатое августа 2028 года.

Я медленно протянула руку к стилусу.

— Если я подпишу сейчас, ничего уже не изменится?

— В отношении срока выхода — нет.

Я посмотрела Славе прямо в глаза:

— Тогда давайте закончим.

Пальцы сводило от холода. Я взяла стилус и вывела подпись на стекле планшета, вычерчивая каждую букву.

Слава забрал планшет, кивнул и внёс данные в терминал:

— Экстренный профиль активирован. Распределение сформировано.

Я нахмурилась:

— Какое ещё распределение?

Левин уже закрыл вкладку, не поднимая головы:

— На сегодня всё. Тебе нужно отдохнуть.

Я поднялась и вернулась в первую комнату. Ян всё так же стоял у стены, скрестив руки на груди. Услышав звук открывшейся двери, он повернулся. В его взгляде стояло тяжёлое, тёмное напряжение.

Я подошла к нему вплотную:

— Ты всё это знал?

— Да, — не стал отворачиваться он.

— Ты знал, куда меня везёшь? Знал про эти два года? Про подпись на катере?

Ян смотрел на меня тяжело:

— Знал.

Внутри что-то окончательно оборвалось. Человек, за которого я цеплялась последние несколько часов как за единственную соломинку, оказался частью того самого проекта, о котором ещё час назад я вообще ничего не знала.

Я ничего больше не сказала. Просто развернулась и пошла к выходу.

— На сегодня всё, — сказал Слава, выходя вслед за нами на крыльцо медблока. — В жилой сектор её сейчас вести поздно, да и вымотана она. Пусть ночь проведёт на катере, в жилой каюте. Завтра утром покажешь жильё.

Ян молча кивнул. Мы уже сделали несколько шагов, когда Слава окликнул его:

— Ян.

Тот обернулся.

— Я с ней побуду, — сказал Ян.

Слава посмотрел на него несколько секунд, затем коротко кивнул:

— Хорошо. Только дай ей выспаться.

Мы вернулись к причалу в полной тишине. Ночной остров дышал сыростью и шумом прибоя. За пределами освещённой зоны всё тонуло в темноте. Мы поднялись на борт катера. Капитан, видимо, уже спал в своей каюте. Я остановилась у входа в жилой отсек, не решаясь зайти.

— Ты останешься? — тихо спросила я.

Ян посмотрел на меня:

— Да.

— Почему?

Он чуть нахмурился, будто сам вопрос казался ему странным:

— Не оставлю тебя одну.

Я опустила глаза:

— Здесь опасно?

— Нет. — Он помолчал. — Просто не оставлю.

Я ничего не ответила. Спустилась в каюту и легла на узкую кровать. Через

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.